

*Анатолій
Санжаровський*

Ручення

РОМАН

МОСКВА
«КНИГА ПО ТРЕБОВАНИЮ»
2013

УДК 882

ББК 83.3(2Рос-Рус)

С18

С18 Санжаровский А.Н.

Роман «Русиния», повесть «В центре Европы».
/Послесловие «Русин – сын Руси!» - М.: «Книга по
Требованию», 2013, - 310 с. Портрет, ил., фото.

ISBN 978-5-458-68414-9

«Особенно нравится мне язык», - так, в частности, отозвался великий русский писатель Василий Белов о романе Анатолия Санжаровского «Русиния», рассказывающем о жизни русинов у себя на родине, в Подкарпатской Руси, а также в Канаде и США. В книгу включена и повесть о любви «В центре Европы».

*На первой странице обложки - рисунок выдающегося художника из Мукачева Артура Брагинского. (Мукачево – историческая столица Подкарпатской Руси.)
На четвёртой странице обложки - рисунок народного художника Украины Эрнеста Кондратовича «Пейзаж из хаты».*

УДК 882

ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-458-68414-9

© А. Н. Санжаровский. 2013

© Ленпех Сопр, 2013

*У каждого блудного сына
Есть память. Её не отнять.
Есть верба, берёзка, рябина,
Живая иль мёртвая мать,
И время, которое мчится,
И старость в положенный срок.
Но что в его сердце творится -
Не знают ни люди, ни Бог.*

Владислав Вепринцев

Англия

*Какие бы берега река ни размывла,
всё равно она в старое русло возвращается.
За морем теплей, да дома милей.*

Русинские пословицы

1

*Куда сердце летит, туда и око глядит.
В один день по две радости не живёт.*

Уне было у старухи Анны длинней и мучительней ночи.

Старуха не спала, даже не сомкнула и разу глаз. Лежала, вслушивалась в тишину за окном, вслушивалась в липкую тишину дороги. Она распрекрасно знала, что только завтра, ближе туда к полднику, отправится в Мукачево Торбиха к московскому поезду, что повезёт её, разъединую, на автобусе её же сын Василько, повезёт сразу, как только раскидает доярок по домам с обеденной дойки - про всё про то Василько сам вчера пел на все лады.

Василька старуха видела в своей хате не каждый ли божий вечер. Конечно, оно уже так, где коза, туда и козёл через тын глядит.

Подобрела, совсем выросла Маричка, стала вертёшка внученька роскошной, парадной невестой. Тот-то чья-то радость спеет...

Приворачивал Василько под тем благовидным предложением, что вместе с Маричкой заочно учился на агронома, до четвёртого уже курса доскакали, и старуха говорила, что она тоже уже на четвёртом курсе, поскольку не пропустила ни одного вечера, когда Василько был с Маричкой в её, старухином синем свежпахнущем елью теремке, жившем одной своей половиной на Ивановой усадьбе, а другой - на Петровой. Молодые читали-решали там что, старуха вязала. Одних не спокидала. Как только Василько на порог, а старухи нету, срочно объявлялся вседеревенский розыск. Умучится, запарится, бывало, Иван, а неминуче доищется-таки её. Тут же погорячливый указ:

I.

Куда сердце летит, туда и око глядит.

В один день по две радости не живет.

И не было у старухи Анны длинней и мучительней ночи.

Старуха не спала, даже не сомкнула и разу глаз. Лежала, вслушивалась в тишину за окном, вслушивалась в липкую тишину дороги. Она распрекрасно знала, что только завтра, ближе туда к полднику, отправится Торбиха к московскому поезду, что повезёт ее, разъединю, на автобусе её же, Торбихин, сын Василько, повезет сразу же, как доярок раскидает по домам с обеденной дойки - про всё то Василько сам вчера пел на все лады.

Василька старуха видела в своей хате не каждый ли божий вечер. Конечно, оно уже так, где коза, туда и козел через тын глядит...

Подобрела, совсем выросла Маричка, стала вертёшка внученька роскошной, парадной невестой. То-то чья-то радость смеет...

Приворачивал Василько под тем благовидным предлогом, что вместе с Маричкой заочно учился на агронома, до четвертого уже курса доскакали, и старуха говорила, что она тоже уже на четвертом курсе, поскольку не пропустила ни одного вечера, когда Василько был с Маричкой в её, ^{старухином,} синем свежеспахнущем ельи теремке, стоявшем одной своей половиной на Ивановой усадьбе, а другой - на Петровой. Молодые читали-решали там что, старуха вязала: одних не оставляла. Как только Василько на порог, а старухи нету, срочно объявлялся вседеревенский розыск; умучится, запарится, бывало, Иван, а неминуче доищется-таки её, тут же указ:

- Мамко, вам на лекцию... Сами профессор дожидаются!

- Мамко! Вам на лекцию. Сами профессор ждут!

Со Вздвиженья - кафтан с шубой сдвинулся - зачастил Василько через день да каждый день, поёт, материал пошёл трудный, одному ума не дать.

И не поймёт старуха, то ли студент Василько, то ли ухаживатель, то ли то и то разом, только видит, переломила гордая Маричка своё серденько к парубку, полюбила тоже - до смерточки нравится он ей, у души лежит.

Глянулся и старой Василько, уважительный, видный с лица - из десятку не выбросишь! - вышла старуха из Ивановой воли, наладилась покидать молодых. Совестно на них тишком тарашиться поверх спиц, как журавль в кувшин, не рука мимо воли своей лезть в чужую лавочку.

И стала ловить причины выскочить из хаты в вечер: услышит, проходит кто-то мимо, увеется, с час её нет - короче все новости не обговоришь; подал голос пёс, спешит утихомирить пса да заодно подразведать, кто ж это там не внушил ему симпатию.

- Василько, ты как повезёшь мамку на станцию, так поверни ко мне на минуточку.

Пообещал Василько.

Можно было не беспокоиться, слово у парубка верное. Ан нет. Нету веры самой себе, до звона в ушах вслушивается в тишину дороги; сначала отдалённо, глухо, потом всё ясней, нарастающе вьётся в душу монотонный пчелиный стон именно Василькова автобуса. Старуха не спутает его ни с каким другим.

Старуха всполошённо вскакивает, налётом летит к калитке в зелёных железных воротах, к груди припиная подушечками пальцев накиннутую поверх плисовую фуфайку.

Но чёрная дорога пуста.

Нигде ни огонёшка.

Ни к старухе, ни от старухи.

Старуха, боясь, что вывалится кто из соседних или из своих же, из сынових, школ (и у соседей, и у Петра, и у Ивана эва какие хоромины, старуха навеличивала их школами), застанет её, распатланную, в чёрно стекавшей до пят сорочке, в напахнутой на плечи фуфайке, неслышно утягивается назад; и калитку, и дверь в свою ладную хатку, где так поглянулось заниматься внучкам, старуха оставляет незапертыми на крючок: а вдруг о н вернётся, а вдруг о н нагрянет, а у нас всё закрыто, подумает, что е г о не ждут, вовсе не ждут, того и заперлись именно от н е г о.

Легла старуха; уже через какие-то малые минуты пристав, снова надставила ухо - вслушивалась в жизнь доро-

ги, и снова явственно слышала знакомый стон, и снова, одетая с испугу холодом - ах, прохлопала! - вскакивала.

За ночь она раз пять выбегала на дорогу, да понапрасну всё.

Зато утром, на первом свете, когда в спехе подоила и проводила в стадо свою Цватулю, как стала у плетня, так мёртво и простояла ровно до той поры, покуда в дальней ещё дали не завидела Васильков автобус.

Выскочила старуха на серёдку дороги, неистово растащила в стороны плотные кулачины.

«Стойте! Стойте! - и молил, и требовал решительный её вид. Предупреждал: - А и не станете - не сойду!»

Натянула Торбиха губы.

Настороже сбывила на старуху глаза:

«Лихоманка тебя сгреб!»

Сколько Лизка Торбиха себя знала, её мать никогда не жаловала Голованей, обегала. Ни с самой Голованихой, ни с ребятами и разу не заговорила. Не забылось, не выпало из ума и то, что при всякой встрече Голованихины хлопцы с поклоном здоровались - старая молча отворачивалась. Почему? На Лизкины расспросы мать не отвечала.

Торбиха не сводила злых, как у волчицы на привязи, глаз с приближавшейся старухи Анны, похожей на крест. Смято пустила меж зубов:

- Накинь газку... Провей сторонкой...

- С чего бы это? - Василь зорковато покосился на мать, сидела сбоку на переднем сиденье. - Поищи дурачков в стране Буратино. А я обещал бабе Ане. Я и...

Василь нарочито выключил мотор. Подбил к обочине.

- Спасибо, Лизушка! Спасибо, родимка! - радостно запричитала старуха, дородная, крепкая, тряско подбегая к дверце, что встречно открывалась с подскрипом.

"Вот Маша деловая..."

Из-под набухлых бровей Торбиха пасмурно косилась на суетливую, шилом вертевшуюся старуху, из великой милости чуть поворотилась к той лицом:

- Баб! Ты с какого будешь году?

- Со старого, Лизушка. Со старого... Старе поповской собаки!

- Оно и видать. Совсем уже рухнула на кактус... Нетерпёжка тебя спалила. Ты чё ж выползла на самую на центру? А ну стопчи какой ветрогон колёсами. Чё тогда?

- А ничего тогда, Лизушечка, - отдыхиваясь, ласково пела старуха. - Совсемушко ничегошоньки... Беда - мой

дом... Я, Лизочка... - старуха споткнулась, потерялась, виновато сложила тяжёлые руки на груди, - я... я... я и не знаю, с какого боку забежати с просьбушкой.

Розвалева Торбиха, расплывшаяся на всё двухместное сиденье, - толщи она была безмерной, оттого, даром что имела своего «Жигулёнка», колыхалась одна в автобусе: ни в какой же легковик её не запихнёшь! - нарочито глубоко, до дна лёгких, вздохнула, так что от втягиваемого воздуха заходила оконная занавеска. Судорожно сглотнула слюну.

- Опять за рыбу гроши? И мне тоже - *посмотри тамочки моего?*

- Эге ж, Лизушка, посмотри, - горячечно зашептала старуха. - До краю жизни буду помнить, родимка!

Шатнулась от старухи Торбиха, поскуцнела лицом.

Тихое озлобление легло в каменный охриплый голос:

- Ой, бабо! Ой, баламутка! Разболталась, як тещин язык... И где прикажешь смотреть? По тельвизеру? Иль, можь, в широком цветном кине?

- Высоки те пороги на наши ноги... Так высоко мой не залетит, - вслух подумала старуха. Помолчала. В осторожи подсказала: - А ты в жизни... А ты в людях поспытай.

- Толечко и осталось! Да народу ж кругом, как песку окиянского! Чё теперь, носись от окияна до окияна по всей неисходимой белой стыни, тереби всякого-каждого: не знали Ван Ваныча Голованя? Не видали – не пробегал тут часом Ван Ваныч Головань?.. Пустой, горевая душа твоя, номер. Пусто-ой!

Старуха расшибленно сникла.

Накаляясь, всё ересливей забирала Торбиха:

- Ей-бо, ума не взведу... Как репьях придорожный, хошь к кому припьёшься. Кто куда ни едь, ко всякому со своей нескладицей насыпаешься. А подумай ежли?!

- Я, Лизушка, и думаю, - неуверенно возразила старуха. - Живое живёт и думает... Как не думать? Не иголка эть. Человек!

- Да и Канадочка не стог. Шутка ли в деле... Где искать? Как искать? Ду-уренькая...

Торбиха хохотнула и раз, хохотнула и два, будто заводила смех, будто брала разгон для смеха.

Но, летуче глянув в глаза старухе, обиженно смотревшей исподлобья и готовой дать вспышку, натянуто замолчала.

Молчала и старуха, лишь одними глазами подгоняла: ну говори, говори, выговаривайся.

Торбиха покосилась на Василя, лежал лицом на скрещённых на руле руках, наклонилась к старухе. Доверительно спросила:

- Ой! Иль у тебя кисель в коробке? Дуренькая! Ну на коюшки искать-то?

Будто морозом одело старуху. Дрогнула от неожиданно вывороченного вопроса. Словно отгоняя, отталкивая его, замахала обеими руками на Торбиху:

- Будет тебе колотить без пути. Да как это не искати? Человек же! Под годами. Ветхий уже, поди... Люди помирают и дома... А он? Гдей-то он? Може, хвороба взяла... Лежью лежит... Сытый ли? Чиста ль на ём рубаха? Е ль кому подати воды? Узнать бы, где он, что с ним, я б тогда в покой вошла...

Торбиха осоловело вылупилась на старуху.

Спросила абы спросить:

- Будь живой, разь не дал бы вести?

- А може, оттуда и не дашь. Вон на неделе съявился один в Ракошине. Сорок два летушка ани слуху ани духу. А тут тебе р-раз и на! Выщелкнулся! Петро возил к нему на легковике. Полдня распытывала... Не... Не совстречал моего. Велика Канадонька... Расставалась я со своим... Иванко на руках, Петуся под серденьком во мне... Ох и времечко какое большое сошло-слилось... Тебя ж, как и Петра моего, ещё не было на свете, как разома уходили Ваши батьки в заморье...

- А мне уже полста набежало...

- Везучая... Повидаешься со своим... Тогда в соседях жили! Гляди, и там по-соседски держатся... Поспытай-таки, родимушка... Подобенки его у меня нету. Зато, - старуха достала с груди фотографию, - я дам тебе эту. Тут Иван и Петро. Сыны. Иван - вылитый сам. Возьми, родимушка...

Торбиха милостиво приняла фотографию.

Фотография была тёплая.

* Подобенка - фотокарточка.